

Ник. Богословский

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

К 40-летию со дня смерти А. П. Чехова

Прошло сорок лет со дня смерти великого русского писателя Антопа Павловича Чехова.

Он умер сравнительно молодым — 44 лет, в расцвете творческих сил, оставив много незавершенных замыслов.

Быть может, ни у одного из русских классиков начала литературы идей деятельности не расходилось так резко с конечными результатами, как у Чехова. Невольно сопоставляешь скромные начинания А. П. Чехова с колоссальным беспримерным успехом его произведений, ставших достоянием всего читающего мира и бесмертными навеки его имен.

Предшественники Чехова — Достоевский, Тургенев, Лев Толстой — вошли в «большую» литературу сразу же после появления своих первых вещей — после «Белых людей», «Записок охотника», «Детства и отрочества». Чехову, прежде чем перейти к полнокровному художественному творчеству, пришлось выдержать многолетний и опасный искус литературы подвешенный в роли «чужака» по смелой части. Меланхолически и неуверенно пробираясь на себе дорожку из недр малой импрессионистической журналистики к настоящей литературе.

Впоследствии, уже достигнув широкой известности, Чехов писал, касаясь вопроса о том, что необходимо писателю: «Нужна возмужалость — это раз, во-вторых, необходимо чувство и чужой с собой, а это чувство стало разгораться во мне только недавно... Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости». (Напомним, что дед Чехова был крепостным крестьянином).

Литературные начинания А. П. Чехова относятся к голам жестокой политической реакции, наступившей после разгрома народно-демократического движения и казни его вождя в 1881 году. Сатира, язвительная в цензурные класки, попенное перерождение в мекоржавичную импрессию. Двухлетний Чехов понимал, что он выстывает в неуютное время. «Умно во сделало», — писал он одному из старших литераторов, — что родился раньше меня, когда легче и дышалось и писалось.

В 1889 году в импрессионистических журналах «Стрекоза», «Будильник», «Зритель», «Осколки», убавлявших главным образом незатейливыми вкусы обывателей, стали появляться короткие, смешные рассказы, меткие пародии, маленькие фелетоны, подписанные псевдонимами «Антоша Чехонте» (прозвище, которое дали Антопу Павловичу в таганрогской гимназии), «Брат моего брата», «Человек без селезенки» и др.

Так началась для Чехова шестилетний период «питания» по редким малым журналам и газет. Он занимается литературной работой, но его словам, почти шутки, смотрел на нее отчасти как на забаву, отчасти как на средство содержать семью и закончить медицинский факультет.

Антоша Чехонте писал с необычайной легкостью и сознавался, что не помнит ни одного рассказа, над которым он трудился бы более суток. Насколько зрелый Чехов

Скульпт работы худ. С. Салынского.

свого чина мастерство художника, настолько легкомысленно относился Антоша Чехонте к своему удивительному таланту и к своей работе. «Как репортеры пишут свои заметки о пожарах, так я писал свои рассказы: машинально, полубессознательно, ни мало не заботясь ни о читателе, ни о самом себе».

Однако дарование стихийно прорывалось в албом пустяке, в шпарках, в протесках, в набросках, выходящих из-под его пера. За мимолетностью и внешней беззаботностью уже угадывалось в нем что-то габусое, нечто предстоило развиться впоследствии.

Первым из крупных писателей почувствовал это блестящий Григорович, который, не зная лично Чехова, написал ему в 1896 году письмо, полное горячего одобрения. В этом письме, поразившем Чехова «как молния», Григорович поставил перед молодым писателем, привыкшим «считать свой

дар ничтожным», три фелетонные уважение к собственному таланту отказ от срочной работы, борющейся отношением к писателям, которые ругаются понаблюдать за обдуманным трупом.

Мастерский балетрист сумел по первым блескам чеховской прозы угадать все её своеобразие, пластичность и алкоизм, замечательную верность в описании природы и в изображении действующих лиц, мастерство психологического анализа, — словом, все то, что развилось по-настоящему в зрелых произведениях Чехова.

Непрерывно возрастающий успех, приглашение сотрудничать в солидных изданиях, высокая оценка Григоровича — все это подталкивало Чехова, что от «малых работ» нужно переходить к крупным, полноценным вещам.

Антон Павлович понимал, что за горячим одобрением должна последовать проверка его «литературной легкости» и «пластичности». Теперь «малость» и «лугаски» должны были решительно уступить место таким значительным произведениям, как «Тина», «Коммари», «Святой ночью» и др. Неожиданный для самого Чехова успех повлек за собой много неизвестных им до этого трудностей. Прежде он писал, «стараясь не потратить на рассказы образы и картин», которые были ему дороги и которые он «тишательно прятал». Теперь ему предстояло раскрыть эти заветные тайники и критическое отношение к себе обострилось.

Работа стала волнующей и нервной. Слова «робко» и «боюсь» не сходило с страниц его писем, в которых он рассказывает о работе над повестями в этот переломный период, затишавшийся на несколько лет и несший немало тревожных колебаний в творческой деятельности Чехова. Насколько легко и быстро писались маленькие рассказы, настолько медленно и непрочно протекала работа над повестями «Степь», «Огни», «Именины», «Случайная история», исследовавшаяся за циклом новелл. Он став писать, «любо мрамору и шпалу какому-то фелетону не переставая и до неузнаваемости изменяя композицию своих произведений, отсеребляя более всего длинное и ненужных подробностей.

«У меня в прошлом много ошибок, в главешках, там и опыта», — писала Чехов в 1899 году. Действительно, его прежняя многолетняя работа в газетах и импрессионистических изданиях имела и свои положительные стороны. В частности она помогла Чехову выработать и довести до совершенства столь характерную для его зрелых произведений алкоичность («Умно» коротко говорить о длинных предметах».

От вынужденной краткости Чехов пришел к основному закону всякого истинного произведения искусства — к удалению всего лишнего. «Ведь сделать из мрамора лицо, это значит удалить из этого куску то, что не есть лицо». Так рождался тот алкоизм, та блестящая простота и та предельная насыщенность, которые делают чеховскую прозу похожей на стихи.

Своеобразие его мастерства в полной ме-

А. П. Чехов.

Портрет работы художника И. Э. БРАЗА (1898).